

История СССР за рубежом

КАК И ПОЧЕМУ ПЕНТАГОН ИЗУЧАЕТ ОПЫТ СОВЕТСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

А. А. КУРНОСОВ, Е. С. ЛАГУТИН

В ряду героев Великой Отечественной войны вместе с солдатом Советской Армии, водрузившим знамя победы над Берлином, вместе с доблестным тружеником тыла стоит советский партизан — народный мститель и воин, приводивший захватчиков в трепет.

Ему посвящена значительная историческая литература, причем не только отечественная, но и зарубежная. С первых послевоенных лет партизанское движение в СССР привлекало внимание буржуазных историков, социологов, публицистов. Помимо чисто военных аспектов их интересовали социальные и политические предпосылки партизанского движения, такие вопросы, как партизаны и народ, партизаны и партия, партизаны и государство¹.

Одна из последних работ о партизанской борьбе в нашей стране в годы Великой Отечественной войны — увесистый коллективный труд американских авторов (А. Даллина, К. Де Витта, Р. Маврогордато, Э. Цимке, В. Молля и других) под редакцией Джона Армстронга². В предисловии к этому труду Ф. Мосли пишет, что он «предлагает новые и значительные ответы» на вопрос о роли советских партизан в войне. И действительно, данная книга выглядит внушительнее и солиднее многих других, изданных по той же теме на Западе, — в ней около 800 страниц, масса ссылок на архивные документы, ряд которых приведен в приложении.

Однако с самого началастораживают два обстоятельства, заставляющие усомниться в «чистой» академичности этого труда. Первое — исследование советского партизанского движения было предпринято Армстронгом и его коллегами по заказу ВВС США (был заключен контракт под № 18 [600] — I). Неужели Пентагон заинтересовался одним из аспектов истории Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков из любви к самой истории? Логичнее предположить, что американская военщина была движима куда более насущными и практическими целями. Второе — работа участников «проекта Александр» (этим кодовым названием было зашифровано данное исследование) была завершена еще в 1954 г. Уже к этому времени были детально изучены германские архивы, захваченные амери-

¹ E. M. Howell. The Soviet Partisan Movement, 1941—1944. Wash., 1956; A. Dal-lin. German Rule in Russia, 1941—1945, London — New York, 1957; O. Heilbrunn. Partisan Warfare, N. Y., 1962; G. Reitlinger. The House Built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia, London, 1960.

² «Soviet Partisans in World War II», Madison, 1964.

канцами в конце войны, документы крупных соединений немецких оккупационных войск, дивизий и даже полков — и написаны доклады на отдельные темы. Издана же книга в 1964 г. Неужели подготовка обработанных документов и докладов к печати заняла 10 лет? Нет, скорее какая-то важная причина побудила исполнителей и заказчиков «проекта Александр» издать эту книгу именно сейчас...

Ответ на оба вопроса может дать только сама книга. Итак, ознакомимся с ней.

1. СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ: «НЕДОБРОВОЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ»?

Знакомясь с подобной характеристикой партизанского движения, любой читатель вправе спросить: разве бывает такое? Разве можно насильно заставить людей покинуть родной дом, скрываться месяцами в лесах, рискуя жизнью, вступать в бой с прекрасно вооруженной и обученной регулярной армией?

Тем не менее, забегая вперед, сообщим, что именно такую оценку дают советским партизанам авторы книги. Но начнем по порядку.

Книга состоит из двух частей. Если во второй излагается история партизанского движения в различных районах СССР (излучина Днепра, Брянщина, Северный Кавказ и т. д.), то первая претендует на анализ движения в целом и важнейших его аспектов (возникновение, интенсивность на разных этапах войны, связь с армией, тылом и местным населением, социальный состав). В этой части авторы непрочь потеоретизировать относительно характера партизанской войны вообще, возвращаясь ко временам гражданских войн в России, Мексике и Испании.

На вопрос, как возникает партизанская война, авторы сборника предлагают по сути два ответа: а) ее «организует» центральная власть, воюя с внешним агрессором; б) при отсутствии центральной власти различные анархические группы могут воевать и самостоятельно по принципу «каждый за себя».

Какую же из этих двух версий притягивают американские авторы к партизанскому движению в СССР в годы Отечественной войны? Их логика весьма проста: коммунизм «навязан» народам России «сверху» некой «центральной» организацией (т. е. большевиками), аналогичным образом «организуется» коммунистами война за коммунизм без особого желания этих народов. Не случайно Армстронг пишет, что «существует некая естественная близость между коммунизмом и партизанской войной» (стр. 10).

В концентрированном виде концепция Армстронга и его коллег выглядит так: «Партизанское движение являлось образцовым примером недобровольного движения сопротивления. Оно началось не как массовое народное восстание; оно не могло развиваться без советской помощи и руководства. Оно не могло быть также успешным, если бы рано или поздно не завоевало на свою сторону значительное число местных жителей. То, что ему удалось, объясняется в некоторой степени его собственной тактикой и поведением, но в гораздо большей — обстоятельствами, неподвластными его контролю» (стр. 337).

Надо заметить, что такая трактовка характера партизанского движения в СССР в годы войны с фашизмом действительно представляет нечто «новое» даже по сравнению со многими ранее вышедшими на Западе работами по данной теме. В буржуазной историографии сплошь и рядом искажаются причины и значение партизанской борьбы, затушевывается ее народный и классовый характер. Но буржуазные авторы, как правило, не могут не признать участия масс в борьбе против гитлеровцев на оккупированной территории СССР. Д. Рейтлинджер, например, увидел в партизанской войне крестьянское, анархическое

движение, сходное с восстаниями Разина и Пугачева; среди его причин «патриотизм играл большую роль, чем хотели признать немцы»³. «Выдающимся патриотическим партизанским движением второй мировой войны было, разумеется, движение в Советской России», — признает О. Гейльбрунн⁴. Известный голландский историк Луи де Ионг полагает, что повсюду в странах Европы, в том числе и в СССР, сопротивление было ответом народов на нацистское господство. «Партизаны... олицетворяли волю русского народа к борьбе», — пишет он⁵. «Народный характер партизанского движения», «широкое национальное движение», — таковы определения борьбы за линией фронта в книге о Советской Армии, изданной под редакцией крупного английского военного историка и теоретика Б. Х. Лиддел Гарта⁶. Даже реваншистски настроенные западногерманские авторы не в состоянии отрицать народность партизанского движения, хотя оно и было вызвано, по их мнению, «ошибками» оккупационных властей. Так, бывший начальник войск СС и полиции в Белоруссии бригаденфюрер фон Готтберг писал, что восточная политика гражданского управления бросила «русское население прямо в руки партизан и тем дала им силы»⁷.

Что же заставило участников «проекта Александр» закрыть глаза на неопровержимые факты широкой массовости партизанского движения? Прежде всего они исходили из совершенно ложного истолкования социалистического строя и политической ситуации в Советском Союзе накануне войны. Если верить Армстронгу, «советская система — по крайней мере, до самого недавнего времени — испытывает постоянный кризис»; война же 1941—1945 гг. была «кризисной ситуацией (!) крайней интенсивности» (стр. 9). Естественным результатом такого положения была пассивная выжидательная позиция населения, которое «не было настолько недовольно (советским строем. — *Авт.*), чтобы безоговорочно принять любую другую альтернативу, но не было достаточно предано Советам, чтобы закрывать глаза на другие возможности» (стр. 321). Однако, поясняют далее американские специалисты, гитлеровская Германия не использовала эти возможности, что объяснялось самонадеянностью фашистского руководства, рассчитывавшего на скорое окончание войны. Жестокости оккупационных властей лишили их поддержки населения, которое, тем не менее, стремилось остаться вне борьбы. И если партизанское движение все же возникло, то оно было не «стихийным народным восстанием», а «скорее явилось результатом усилий тысяч сторонников Советской власти, которые в ходе войны оказались на оккупированной территории или были специально посланы для организации сопротивления оккупантам» (стр. 136, 137).

Не будем тратить время на разбор «ядра» концепции авторов «проекта Александр» — рассуждений о «постоянном кризисе» Советской власти. Лучшим опровержением этих домыслов была победа Советского Союза над фашистской Германией — могущественным врагом, не знавшим поражений на полях Европы. Взглянем лишь на ту грудку противоречий и нелепостей, которую породил в американском труде предвзятый исходный тезис. Как удалось партизанам «завоевать» поддержку населения, если обстоятельства были неподвластны их контролю? А тысячи (!) сторонников Советской власти — разве это не сам народ, а некая особая каста, выросшая в вакууме? Наконец, как вообще можно заставить народ бороться за сохранение и возвращение власти, которая ему чужда?

³ G. Reitlinger. Op. cit., p. 230—231.

⁴ Otto Heilbrunn. Op. cit., p. 17.

⁵ См. «Das Dritte Reich und Europa. Bericht über die Tagung des Instituts für Zeitgeschichte», Mai 1956, München, 1957, S. 137, 144.

⁶ «The Soviet Army», ed. by B. H. Liddell Hart, London, 1957, p. 165.

⁷ «Wehrkunde». München, 1958, № 12, S. 690.

Само понятие «недобровольное партизанское движение» — чистейший абсурд. Партизаны не могут существовать изолированно от народных масс, поскольку нуждаются в пополнениях и снабжении. Больше того, простого несогласия масс с целями партизан достаточно для ликвидации движения, ибо в таком случае отсутствует среда, которая укрывает участников борьбы от врага и восстанавливает их силы. Следствия: постепенное истощение, потеря маневренности, скрытности, источников информации о действиях противника и, наконец, гибель.

Напротив, партизанское движение в СССР в годы войны было глубоко народным и воспринималось как таковое даже гитлеровцами и их союзниками. Вот несколько выдержек из солдатских писем и фашистских газет.

«Эти, на первый взгляд, разрозненные партизанские отряды не только представляют собой военную силу, но и фактически являются все-народным движением. В партизанской войне славян принимают участие мужчины, женщины, стар и млад» («Джорнале д'Италия», 1 июля 1942 г.)

«Большинство домов мы сжигаем, так как здесь все гражданское население — партизаны» (Ефрейтор Людвиг Ландль, 1 августа 1942 г.)

«Долго ли еще придется нам вести такого рода войну? Ведь нам, боевой части, здесь противостоит все гражданское население, в том числе женщины и дети!» (Обер-ефрейтор Антон Трост, 25 июня 1942 г.).

«Вперед! — смерть от русской пули или от снаряда. Сзади — смерть от русского партизана. Куда ни обернешься — всюду смерть смотрит на тебя... Народ ненавидит нас, гражданское население старается всячески помешать нам, кто чем может» (Обер-ефрейтор Вильгельм Бегге, 1942 г.).

Приведенные свидетельства — а их были тысячи — не нуждаются в комментариях, и все они говорят об одном — для гитлеровских захватчиков, на себе испытавших силу ненависти советских людей, проблемы «характер партизанского движения» не существовало. Перед ними стояла задача — погасить пожар всенародного сопротивления. И если на более высоких ступенях фашистской иерархии иногда пытались представить это сопротивление как нечто, принесенное извне, то это были скорее пропагандистские пируэты, чем концепция «для служебного пользования». Последняя же проявлялась в массовых репрессиях, угоне в Германию трудоспособной части населения и тому подобных действиях, вызывавшихся не только расистскими или экономическими соображениями, но не в меньшей степени намерением «обезвредить» действительных или потенциальных врагов «нового порядка».

Уже 23 августа 1941 г. был издан указ Розенберга, согласно которому смертной казни подлежали все лица, осуществлявшие «акты насилия» против немецкой империи или ее органов; «намеренно» разрушавшие учреждения или объекты, принадлежавшие немецким властям; распространявшие «враждебные немцам» слухи или подстрекавшие к неподчинению немецким указам и постановлениям; совершавшие «акты насилия» против немецких граждан, немецких военнослужащих, полиции, работников немецких властей и т. д.; совершавшие поджоги. Кроме того, смертная казнь грозила тем, кто договаривался о действиях, перечисленных выше, либо предлагал свои услуги для их совершения, либо знал о готовящихся действиях и не сообщил немецким властям⁸. В соответствии с этим указом гитлеровцы жестоко расправлялись с советскими людьми, и среди миллионов жертв фашистского террора значительную, если не большую, часть составили именно участники антифашистской борьбы во всех ее активных и пассивных формах.

⁸ «Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1945 гг.)», М., 1963, стр. 61—62.

В основе движения сопротивления на оккупированных землях Советского Союза лежало осознанное неприятие громадным большинством населения всего, что было принесено оккупантами. («Население настроено по отношению к нам плохо... Народу в целом наше миропонимание чуждо», — писал в дневнике немецкий унтер-офицер Ганс Эффенберген.) Это неприятие оккупационного режима выражалось в саботаже, проводившемся по инициативе самих масс или же под влиянием агитационно-пропагандистской деятельности подпольщиков и партизан. Оно выражалось и в неподчинении приказам оккупационных властей, уклонении от выезда на работу в Германию, укрытии колхозного и государственного имущества, неуплате установленных гитлеровцами поставок и налогов, малопроизводительном труде в промышленности и сельском хозяйстве, множестве мелких и крупных актов саботажа — словом, в миллионах и миллионах действий, причинявших непоправимый ущерб захватчикам. Другим видом невооруженного сопротивления была разнообразная помощь партизанам и подпольщикам. Иногда она приобретала определенные организационные формы. Одной из них были группы содействия, создававшиеся во многих селах для сбора продовольствия, разведывательных сведений и другой помощи партизанам. Эти формы сопротивления представляли благоприятную среду, в которой только и возможно было партизанское движение. Вообще говоря, между невооруженным и вооруженным сопротивлением не существовало четкой границы. Ближе к последнему стояли организации самообороны, которые подчас принимали участие в боях и одновременно играли роль своеобразной службы тыла для партизан. Часто они преобразовывались в боевые отряды. Наконец, в авангарде борьбы шли регулярные партизанские формирования и сеть подполья. Таким образом, корни партизанской войны уходили глубоко в народную толщу и сливались с ней, как основание горы сливается с земной корой.

О том, что партизанские отряды не были чем-то инородным по отношению к массам, лучше всего говорит их социальная структура. Так, в орловских партизанских отрядах среди 25 с лишним тысяч бойцов, взятых на персональный учет, оказалось 10 098 рабочих (38,8%), 8007 колхозников (31%), 7756 служащих (30,2%)⁹. Из 52,5 тыс. украинских партизан, о которых имеются полные сведения, рабочих было 35,7%, крестьян 47%, служащих — 17,3%¹⁰. В соединении партизанских отрядов Брестской области к августу 1944 г. было 45% крестьян; 16,6% служащих; 16,5% военнослужащих; 13,7% рабочих; 8,2% учащихся¹¹. По Белоруссии в целом эти показатели несколько отличны: крестьян — 36,61%; рабочих — 17,01%; служащих — 20,04%; учащихся — 12,16%; военнослужащих — 11,16%¹².

Если суммировать приведенные выше данные, то выявится соответствие между экономической характеристикой областей и республик, классовым составом населения и социальной структурой партизанского движения в них. Различные группы населения были представлены в рядах партизан пропорционально их численности в том или ином районе накануне войны. Этот важнейший факт не в состоянии полностью от-

⁹ «Советские партизаны», М., 1963, стр. 223.

¹⁰ И. И. Слинъко. Джерела сили партизанського руху, «Український історичний журнал», 1962, № 3, стр. 43.

¹¹ Институт истории АН СССР, отдел рукописных фондов, р. II, оп. 4, д. 1386.

¹² «Непокоренная Белоруссия. Воспоминания и статьи о всенародном партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)», М., 1963, стр. 9. Различие между данными по Брестской области и по республике в целом объясняется тем, что первая до сентября 1939 г. была отсталой аграрной окраиной Польши и в ней отсутствовали значительные городские центры и сколько-нибудь развитая промышленность.

рицать и сами американские историки, когда они переходят к анализу состава движения. Но предвзятая версия об организации «извне» сопротивления немецко-фашистским захватчикам заставляет их выдвигать совершенно искаженное толкование причин, побудивших население участвовать в борьбе.

2. ЧУВСТВО ДОЛГА ИЛИ СЕБЯЛЮБИЕ? ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ШЛИ В ПАРТИЗАНЫ

Авторы различают следующие группы партизан: крестьяне, «городской контингент» (т. е. в основном рабочие), интеллигенция, «окруженцы и военнопленные», члены Коммунистической партии, «коллорационисты», решившие искупить свою вину перед Родиной, женщины. Как видно, эти группы выделены не по четкому социальному принципу, а произвольно, границы их нарочито спутаны. Коммунисты были среди крестьян, «горожан», окруженцев; интеллигенция, очевидно, принадлежит к «городскому контингенту» и т. д. Но главное в том, что каждой из вышеназванных групп авторы приписывают особые — но всегда корыстные — устремления и интересы.

Вот рабочие — хотя «советская программа индустриализации привела на них большое впечатление» и они были относительно «преданы» Советской власти, все же «вначале многие из них надеялись получить выгоду от немецкой оккупации» (стр. 142—143). Представители интеллигенции «думали в основном о своей карьере» (143). И если те и другие все же пошли в партизаны, то только потому, что при немцах первые оказались в тяжелом материальном положении, а у вторых «карьера оказалась под угрозой» (стр. 142—143). Окруженцы и сбежавшие военнопленные, из которых, как уверяют авторы, состояли в основном партизанские отряды до лета 1942 г., руководствовались, оказывается, не ненавистью к врагу и не любовью к Родине, а исключительно боязнью попасть в руки немцев: «Их предыдущие скитания заставляли их предпочесть партизанскую деятельность жизни в условиях немецкой оккупации» (стр. 144). В общем, если верить американским историкам, немецко-фашистские захватчики встретились на Советской земле не с народом, готовым до последней капли крови отстаивать свою свободу, а с различными категориями себялюбцев, для которых не существовало никаких идеалов, кроме шкурнических.

Но какие основания у Армстронга и его коллег для столь лживой, бескорыстной характеристики советских людей? Американские ученые заявляют, что они базировались на немецких материалах, и уверяют, что постоянно соотносили их с советскими. Мы знаем, что и в немецких архивах можно было найти документы, свидетельствующие о героической готовности советских людей к самопожертвованию в годы войны; такие свидетельства по необходимости давали сами захватчики. Эсэсовец Готтберг, руководивший антипартизанскими операциями в Белоруссии, пишет об «идеализме» и «фанатизме» участников сопротивления¹³. «Это просто какие-то фанатики. В плен они не сдаются», — заявил на допросе пленный ефрейтор Хорст Вунке. Больше того, среди гитлеровских солдат и офицеров находились и такие, которые понимали, что «фанатизм» советских людей — особого, незнамого им свойства, он является не слепой верой, а сознательной борьбой за передовые общественные идеалы. «Вы спрашиваете, какого я мнения о красных партизанах? Я могу только сказать, что их поведение во время боя непостижимо. Не говоря о настойчивости и хитрости, самое замечательное в них — это немислимое упорство. Это поведение объясняется, по-моему,

не только действиями стоящих за ними комиссаров, но в первую очередь — это продукт большевистского воспитания и выражение большевистского мировоззрения», — писал в своем письме лейтенант Рорбах, служивший в войсках Гудериана. «Действия партизан нередко являются образцом беспримерного мужества», — признавала 10 января 1943 г. румынская газета «Тимпул».

Что же касается материалов советских, то как же люди, именующие себя учеными, могли пройти мимо тысяч фактов, говорящих о патриотизме и добровольном участии советских людей в борьбе против фашистов? Командир отряда, потом объединения, Г. М. Линьков пишет: «Я был членом партии, и мне казалось, что очень большая доля ответственности за наши неудачи падает и лично на меня. Мне было стыдно смотреть людям в глаза — особенно женщинам и детям. Я решил всеми средствами добиваться посылки на фронт... Я долго думал о своей дальнейшей работе в армии, и с каждым днем все более убеждался, что только в тылу противника я смогу все свои силы и способности, весь свой жизненный опыт отдать на защиту Родины»¹⁴. Сходными были побуждения старого большевика И. А. Козлова, оставшегося в Крымском подполье. В беседе с секретарем обкома он сказал: «... Я полжизни провел в подполье — в царском, в белом. Если хотите знать, именно мой возраст и болезнь помогут мне замаскироваться лучше, чем человеку молодому и здоровому... Кроме того, я учил немецкий язык, а в 1914 г. ...попал в Германию, несколько месяцев жил там и познакомился с немецкими нравами и порядками... Видите, мне больше, чем кому-либо другому, подходит работа в немецком тылу»¹⁵.

Выбор И. А. Козлова и Г. М. Линькова был обусловлен их готовностью бороться против врага до последней капли крови и убежденностью в том, что именно за линией фронта они принесут максимальную пользу общему делу. Такими же мотивами руководствовались и рядовые бойцы партизанских отрядов, которые, по уверениям Д. Армстронга, А. Даллина и их коллег, были «завербованы» коммунистами. О том, как проходила эта «вербовка», рассказывает секретарь Черниговского обкома А. Ф. Федоров — человек, сам набиравший людей для партизанских отрядов и подполья: «Большинство... товарищей мужественно и просто принимали решение остаться в подполье. На мой вопрос: «Думали ли вы о возможности оккупации вашего района немцами?» они отвечали: «Да, думал!» И когда такой товарищ узнавал, что в немецком тылу будут и областной комитет партии, и районные комитеты, и местные ячейки, и комсомольские организации, наконец, что партизанское движение будет руководиться партией, — то крепко жал мне руку, говорил: «Как хорошо, Алексей Федорович! Значит, продолжаем вместе работать. Украину не бросаем? А я не знал, как быть... Значит, семью теперь я отправляю, а сам в полное распоряжение партии!» За месяц было отобрано и направлено на подпольную работу в районы свыше 900 человек»¹⁶.

Капитан-пограничник М. И. Наумов, как и многие другие военнослужащие, пробирался из окружения. Наступила зима. Линия фронта казалась непроходимой, ибо немецкая армия перешла к позиционной обороне, повысилась бдительность войск и полиции, введены были жестокие законы и правила, запрещавшие передвижение жителей между селами. М. И. Наумов понял, что нет надежды до весны выйти на Большую землю, но «немыслимо все это время, когда идут решающие сражения под Москвой, ничего не делать»¹⁷. Решение было подсказано ли-

¹⁴ Г. М. Линьков. Война в тылу врага, М., 1949, стр. 8.

¹⁵ И. А. Козлов. В Крымском подполье, Новосибирск, 1956, стр. 15—16.

¹⁶ А. Ф. Федоров. Подпольный обком действует, М., 1954, стр. 14.

¹⁷ М. И. Наумов. Хинельские походы, М., 1954, стр. 6, 9.

стовкой политуправления фронта, в которой всем оставшимся в тылу врага рекомендовалось перейти линию фронта или присоединиться к партизанам.

Работник минского железнодорожного депо Ф. С. Кузнецов пытался при приближении гитлеровцев уйти на восток. Это не удалось. В первые же дни оккупации он испытал ужасы «нового порядка» в лагере для гражданских лиц. Как железнодорожника Ф. С. Кузнецова выпустили и направили на работу. «Надо было что-то предпринимать. Я верил, что советские патриоты не сложат оружие. Первым моим шагом было установление контакта с железнодорожниками... Решили устраиваться всем на старое место, чтобы принести Родине пользу. В чем это будет заключаться, какие формы примет наша борьба против захватчиков, никто из нас толком не знал». Вскоре была создана подпольная организация¹⁸.

Приведенные нами примеры, конечно, не показывают всех, порой весьма специфических обстоятельств вступления населения в отряды сопротивления. Но в целом из них ясно, что борьба советского народа с оккупантами была естественным и закономерным результатом его любви к своей стране и чувства высокой ответственности за судьбы социалистического государства.

3. КРЕСТЬЯНЕ И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

Говоря об оценке авторами сборника поведения различных групп населения на оккупированной территории СССР во время войны, мы намеренно умолчали о советском крестьянстве. Характеристику этой группы Д. Армстронгом и К. де Виттом стоит рассмотреть отдельно, тем более, что в большинстве оккупированных областей преобладало крестьянское население.

Надо сказать, что крестьянский сюжет оказался для авторов «проекта Александр» самым затруднительным. Признать, что крестьяне поддерживали партизан, значит признать, что они боролись за Советскую власть. Пойти на это не позволяет «концепция». Начисто отрицать эту поддержку также невозможно — крестьянство активно участвовало в партизанской борьбе. Как же справляются со своими затруднениями американские историки? Скажем прямо, без особых успехов. Как и во всех прочих случаях, они апеллируют к чувствам тех западных читателей, которые, живя в мире частной собственности, кладут узкоэгоистические интересы в основу своего отношения к жизни. «Крестьяне на оккупированной территории, — уверяют они, — были сплочены одним всепоглощающим желанием: ликвидировать колхозную систему. Лишь немногие крестьяне были убежденными коммунистами, политическая система и форма правления были безразличны им. Они были практически мыслящими оппортунистами, готовыми терпеть немецкий режим, если из него можно извлечь экономические выгоды. Немецкая оккупационная политика расстроила большинство их надежд. Хотя крестьяне были разочарованы в немцах, они никогда не отождествляли себя с партизанами. ...Внутри партизанского движения крестьяне оставались обособленной группой. Они составляли почти девять десятых так называемых «на сильно завербованных»... Они хотели оставаться нейтральными, но это, конечно, было невозможно; вследствие этого, не отказываясь ни от одного из своих главных устремлений, они позволили вовлечь себя в партизанское движение, где образовали пассивную, невоодушевленную группу» (стр. 141—142).

¹⁸ «Из истории партизанского движения в Белоруссии», стр. 241—242.

У здравомыслящего читателя, прочитавшего этот отрывок, возникают все те же недоуменные вопросы: как можно, «позволить вовлечь себя» в партизанское движение? Недоумение усугубляется, когда читатель знакомится со следующими признаниями авторов: «как ни парадоксально, крестьянство, вероятно, составляло от 40 до 60% всех партизанских рекрутов» (там же). Действительно, парадоксально: в тылу захватчиков, совершая грандиозные операции и наводя на врага страх, действовали отряды, где больше половины бойцов были «пассивной, невосдушевленной группой»!

Как же американские авторы объясняют этот парадокс? «Практически все рекруты из крестьян были мобилизованы в движение,— пишут они.— Поскольку партизаны могли свободно передвигаться в большинстве сельских округов, им было сравнительно просто заходить в деревни.., отбирать людей и вводить их как партизан. Немцы любили избирать этот процесс как похищение; в действительности, однако, набор такого рода был настолько широко распространен, что принял характер регулярной административной процедуры. Партизаны предъявляли законное право на их службу, и, ввиду постепенного ослабления контроля со стороны немцев, крестьяне не могли не признать этого права» (стр. 142).

Эти «объяснения» придуманы от начала и до конца. Только для борьбы с партизанами к осени 1942 г. гитлеровцы бросили 15 полевых и 10 охранных дивизий, 27 полицейских полков, 144 полицейских батальона и другие формирования. Осенью 1943 г. антипартизанские действия вели 25 дивизий гитлеровцев (10% войск на Восточном фронте), а кроме того, войска СС, СД и вспомогательные войска¹⁹. К этим значительным силам следует добавить местную полицию, боевые части, отведенные в тыл на отдых, и другие формирования. Ясно, что основные антипартизанские силы были сосредоточены в районах наиболее активных партизанских действий. При таких условиях партизаны, конечно, не располагали той «свободой передвижения», которую приписывают им авторы книги.

Правда, в пределах партизанских краев они обычно не были стеснены в своих действиях. Но само образование в тылу врага освобожденных территорий являлось следствием превращения партизанского движения в массовое, причем процесс такого превращения, т. е. интенсивный приток местных жителей в партизанские отряды, происходил на земле, контролируемой гитлеровцами, где невозможно было представить проведение «мобилизации», тем более — насильственной. Ведь враждебно настроенное по отношению к партизанам население очень легко могло бы парализовать попытки такого рода вызовом немецких войск из ближайшего гарнизона. Легенда о партизанском терроре и насилиях заимствована авторами у Геббельса, который в марте 1942 г. писал в своем дневнике: «Партизаны безраздельно господствуют над обширными районами.., они установили там режим террора»²⁰.

В документах германского командования такое объяснение появилось отчасти в результате дезинформации, распространявшейся самими партизанами, которые иногда инсценировали «похищения» ради того, чтобы избавить семьи от фашистских репрессий. В некоторых случаях подобным же способом прикрывалось участие мирного населения в операциях партизанских отрядов. Об этом свидетельствует Г. М. Линков, отряд которого привлек крестьян к разрушению узкоколейки между Иванцевичами и Телеханами: «Мужики пошли пакостить немцам довольно охотно, потребовав лишь одного: чтобы было инсценировано принуждение. В одних деревнях они довольствовались криком и ру-

¹⁹ «The Soviet Army», p. 157.

²⁰ Ч. О. Диксон и О. Гейльбрунн. Коммунистические партизанские действия. М., 1957, стр. 36.

ганью, в других требовали, чтобы партизаны гнали народ палками. Инсценировка удалась на славу»²¹.

В действительности отряды комплектовались на основе добровольности и при этом никогда не испытывали недостатка в пополнении. «Население оккупированных районов начинало понимать свою силу. Желавшие бороться с врагом шли к нам непрерывным потоком», — пишет Г. М. Линьков²². Подобные свидетельства в изобилии встречаются в мемуарах бывших участников борьбы и в многочисленных документах.

Особенно важно, что крестьяне не только вступали в уже сформированные отряды, но и сами создавали их. Так, небольшая группа комсомольцев с. Кувшиново Калининской области еще до оккупации создала партизанский отряд. Это решение, как рассказывает В. И. Терещатов, было принято ими под влиянием обращения Советского правительства к народу 3 июля 1941 г. и после того, как военкомат отказал им в приеме в армию²³. А. Е. Егоров, в будущем один из героев, воздвизших Знамя Победы над рейхстагом, пережил в первые дни войны большое горе. Пришло известие о гибели его брата. Когда в деревню, где он жил, вступили гитлеровцы, первой мыслью 18-летнего юноши было «отомстить им за все злодеяния, в том числе и за горе нашей семьи»²⁴. Он связался с окруженцами и участвовал в организации партизанского отряда. Колхозница Е. П. Станишевская вступила в контакт с партизанами в октябре 1942 г., когда в ее дом пришли диверсанты из 1-й Бобруйской партизанской бригады. «Вся наша семья с радостью согласилась помогать им. С этого момента жизнь приобрела новый смысл — началась тревожная и напряженная работа»²⁵.

Бесчисленные факты опровергают тезис американских авторов о том, что «не было ни одной стихийно возникшей крестьянской организации, ни одного народного героя из крестьян, который бы выразил чаяния сельского населения» (стр. 46). Эти факты показывают также, что крестьяне, как и все прочие группы населения, вступали в ряды партизан потому, что сознательно отождествляли себя с Советским государством, с патриотическими силами, ведущими активную борьбу под руководством Коммунистической партии.

Важное место в системе «доказательств» американских авторов занимает описание судьбы колхозов на оккупированной территории СССР. Утверждая, что гитлеровцы сохранили колхозы, авторы видят в этом их генеральную ошибку. Это не удивительно, если вспомнить, что ранее в книге писалось о «всепоглощающей» ненависти крестьян к колхозной системе. Однако хорошо известно, что в нацистской инструкции от 22 августа 1941 г., озаглавленной «Принципы ведения хозяйства на Востоке», говорилось: «Сохранение колхозной системы необходимо пока для того, чтобы предотвратить перебои в снабжении немецкой армии и хозяйства за счет русских просторов»²⁶. В действительности, как установил советский исследователь А. И. Залесский, гитлеровцы сохранили лишь некоторые элементы прежней организации производства (бригады, трудодни и др.), но колхозы под их контролем «потеряли все основные признаки социалистического хозяйства. Общественная собственность на орудия и средства производства, являющаяся основой колхозного строя, была повсеместно объявлена... германской собственностью, распоряжаться которой крестьяне не имели права. Были установлены высокие нормы принудительных поставок сельскохозяйственных продуктов. Коллективный

²¹ Г. М. Линьков. Указ. соч., стр. 340.

²² Там же, стр. 342.

²³ В. Терещатов. 900 дней в тылу врага, Калинин, 1962, стр. 67.

²⁴ «Из истории партизанского движения в Белоруссии», стр. 170.

²⁵ Там же, стр. 411.

²⁶ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. I, изд. 3-е, М., 1955, стр. 805.

труд на себя, на свою социалистическую Родину добровольно объединившихся в сельхозартели крестьян превращался теперь в подневольный рабский труд на немецко-фашистских оккупантов...»²⁷. При таком «преобразовании» колхозной системы единственно правильным было решение партии о временном роспуске кооперативов, фактически превращенных гитлеровцами в концлагеря. Это решение было не уступкой «антиколхозным» настроениям крестьян, как утверждают авторы, а операцией, рассчитанной на то, чтобы лишить захватчиков экономической базы, и в этом отношении ее можно сравнить с эвакуацией или выводом из строя промышленных предприятий.

О действительном же отношении крестьян к колхозной системе говорят многочисленные факты восстановления колхозов на территориях, контролируемых партизанами, причем в возрожденные колхозы вступали не только колхозники, но и бывшие единоличники. В ленинградском крае этот процесс начался уже осенью 1941 г. Возрожденные колхозы функционировали в течение года, до повторной оккупации края. В Станковском сельсовете Ленинградской области в артели вошло 37 хозяйств, в Дедовическом районе — около 100 человек и т. д. К началу лета 1942 г. были восстановлены все прежние сельхозартели в шести районах Брянщины, причем только в Навлинском районе работало 38 колхозов²⁸. Возрождались они и в Белоруссии, например в Суражском районе Витебской области. Там, где оформление сельхозартелей было с военной точки зрения неразумным, крестьяне сохраняли их имущество, машины и другое оборудование, а также скот, зерно. Даже при переходе к индивидуальному хозяйству ими не были забыты традиции коллективизма, которые проявлялись в совместных полевых работах, разнообразной взаимопомощи и др. А. И. Залесский совершенно справедливо отметил, что «колхоз для крестьянина был в тех условиях реальным выражением советского образа жизни, силы и крепости советского строя, одной из форм протеста и борьбы против насаждавшегося гитлеровцами так называемого «нового порядка». Жить в колхозе в тылу врага означало открыто встать под знамя борьбы за Советскую власть»²⁹.

4. КОГДА НАЧАЛАСЬ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА?

Схема «партизаны вне народа» опирается на постулат, будто партизанское движение возникло не ранее, чем население убедилось в невозможности жить под господством гитлеровцев. Участники «проекта Александр» утверждают, что в 1941 г. население практически не оказывало сопротивления оккупантам и встретило их как «освободителей». «Изоляция партизан 1941 г. усиливалась также тем, что большинство их было скорее «держателями акций» советской системы, чем обыкновенными гражданами» (стр. 22). В результате созданные в начале войны отряды были почти полностью уничтожены или разогнаны.

Эта точка зрения не нова: она была сформулирована еще в 1942 г. Геббельсом, который записал тогда в своем дневнике: «Вначале население Украины было склонно смотреть на фюрера как на спасителя Европы и сердечно приветствовало немецкую армию. Через несколько месяцев отношение к нам резко изменилось. Мы слишком больно ударили по русским, особенно по украинцам, круто поступая с ними. Затрепщина не всегда является убедительным доводом»³⁰.

В действительности оккупанты уже в первые недели войны встретили сопротивление партизан. К 1 августа 1941 г. в Белоруссии действова-

²⁷ А. И. Залесский. Указ. соч., стр. 95.

²⁸ Там же, стр. 140, 142—143.

²⁹ Там же, стр. 141—142.

³⁰ Цит. по указ. соч. Ч. О. Диксона и О. Гейльбрунна, стр. 37.

ли 231 партизанский отряд и 148 групп численностью около 15 тыс. бойцов. В тылу гитлеровских войск, наступавших на Москву, оперировало несколько сот отрядов (более 30 тыс. человек)³¹. Многие из этих формирований состояли из местных жителей. В июле 1941 г. председатель колхоза «Красная звезда» Чашникского района Витебской области Т. Е. Ермакович организовал отряд из своих односельчан. То же сделали в дер. Загалье Любанского района председатель сельсовета С. Корнеев, в Виленском районе комсомолец А. Азончик и др.³²

Состав своего отряда к 22 сентября 1941 г., после выхода в лес, С. А. Ковпак характеризует следующим образом: «В одну группу вошли путивляне, люди гражданские и большей частью немолодые советские и партийные работники, колхозный актив, а также белорусские товарищи, которые присоединились к нам, люди разных профессий, но только не военной, в основном интеллигенция. Это было коммунистическое ядро отряда. Другая группа состояла из красноармейцев»³³. Ядро Эсманского отряда Сумской области, по свидетельству М. И. Наумова, составляли представители сельской интеллигенции, работники районных учреждений и сельсоветов и колхозники-активисты. Позднее в него вошло несколько бойцов и командиров регулярной армии³⁴. В знаменитый партизанский отряд К. С. Заслонова вошли первоначально рабочие и железнодорожники³⁵. В воспоминаниях Н. П. Ратушнова указывается, что отряды А. Д. Сергеева (Лихого) и Н. Покровского отличались друг от друга по составу. Первый состоял из «недавних воинов, а ныне окруженцев», второй — из «местных жителей: работники районных организаций и учреждений, колхозники окрестных деревень и сел»³⁶.

В доступных всем источниках отражается дальнейшая эволюция состава партизанских формирований. А. Ф. Семенов сообщает, что зимой 1941 г. в Клетнянский районный отряд вступило большое количество рядовых колхозников³⁷. Изменения в составе Бобруйской подпольной организации отметил В. И. Ливенцов; если первоначально большинство подпольщиков было окруженцами, то затем «основное ядро нашей организации составляли бобруйчане»³⁸. К концу зимы 1941/42 г. значительно пополнился местным населением Черниговский областной отряд: «Настала пора, когда партизаны, заранее отобранные, оставленные партией в тылу врага, оказались в меньшинстве. Окруженцы, бежавшие пленные, крестьяне ближних сел — вот из кого в основном состояли теперь наши подразделения»³⁹. Д. Н. Медведев сообщает о быстром росте его десантного отряда, вышедшего летом 1942 г. в район г. Ровно: «Колхозники сами, по собственной инициативе, стали отправлять к нам своих сыновей... От многих сел у нас в отряде было по десять — пятнадцать человек. А такие села, как Виры, Большие и Малые Селища, стали целиком партизанскими: от каждой семьи кто-нибудь был в отряде»⁴⁰.

Таким образом, зачинатели партизанского движения были плоть от плоти народа и с самого начала поддерживались им. Конечно, как и всякое народное движение, партизанская война была начата наиболее активными и организованными группами населения, прежде всего ком-

³¹ «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», М., 1964, стр. 379.

³² «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.», т. 2, М., 1961, стр. 120.

³³ С. А. Ковпак. Від Путивля до Карпат, Київ, 1961, стр. 16—17.

³⁴ М. И. Наумов. Указ. соч., стр. 19.

³⁵ А. Е. Андреев. Из боевых будней. В сб. «Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941—1944)», Минск, 1961, стр. 6, 19.

³⁶ Н. Ратушнов. В боевом походе. Минск, 1960, стр. 32—33.

³⁷ А. Ф. Семенов. Шумел сурово Брянский лес, М., 1960, стр. 57.

³⁸ В. И. Ливенцов. Партизанский край, Л., 1950, стр. 33.

³⁹ А. Ф. Федоров. Указ. соч., стр. 332.

⁴⁰ Д. Н. Медведев. Сильные духом, М., 1955, стр. 54.

мунистами, но ни о какой партизанской войне не могло бы быть и речи, если бы с самого начала против оккупантов не поднялись широчайшие массы. Роль первых отрядов не только и даже не столько в их значительной помощи советским регулярным войскам (разведка, операции на коммуникациях, вывод окруженных соединений за линию фронта и т. п.), сколько в том, что они накапливали опыт борьбы, доказав возможность и эффективность партизанских действий, стали искрами, от которых разгорелся пламя всенародной партизанской войны.

Понятно, что их операции были несравнимы по своим масштабам с операциями последующих лет. Но и они весьма тревожили захватчиков. Уже говорилось об указе Розенберга; а вот приказ генерала Ровкеса от 14 сентября 1941 г.: «В лице русских партизан мы встретили очень деятельного, ловкого, подвижного и решительного противника, который отлично умеет использовать местность... и, действуя в своей собственной стране, в большинстве случаев поддерживается населением»⁴¹. Буквально через день, 16 сентября, издал приказ начальник штаба верховного командования вермахта Кейтель: «С самого начала военной кампании против Советской России во всех оккупированных Германией областях возникло коммунистическое повстанческое движение... Установлено, что речь идет в данном случае о массовом движении, направляемом в централизованном порядке из Москвы». И далее: «Во все возрастающей степени создается опасность для немецкого военного руководства, которая проявляется прежде всего в обстановке всеобщего беспокойства для оккупационных войск, а также ведет к отвлечению сил, необходимых для подавления главных очагов мятежа»⁴².

Для положения на Украине, той самой Украине, где, по уверениям авторов, сельское население особенно отрицательно относилось к колхозной системе, было характерно следующее воззвание, выпущенное командиром одной из немецких дивизий в ноябре 1941 г.: «Крестьяне Украины! За последние дни немецкие войска уничтожили много банд, участники которых были расстреляны, а руководители повешены. Выявилось, что бандиты получали помощь со стороны населения. В результате этого приняты такие мероприятия: 1) село Барановка сожжено, 2) село Обуховка сожжено, а население расстреляно, 3) многочисленные посредники расстреляны в разных селах». Далее палач с пафосом вопрошал: «Хотите ли вы такой же участи?» и обещал за сообщения о местонахождении партизан награды размером до 10 тыс. руб.⁴³. Если сопоставить альтернативу, стоявшую перед украинскими крестьянами в 1941 г., — казнь за помощь партизанам или немалая сумма денег за помощь фашистам — с фактами расширения партизанского движения в последующие годы, приводимыми, кстати, самими американскими историками, ясно, что сельское население Украины не только не было настроено антисоветски, а напротив, делало, что могло, чтобы Советская власть была восстановлена. Таким образом, даже документы германского командования опровергают измышления подрядчиков Пентагона.

5. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: КАК ПЕНТАГОН ИЗВЛЕКАЕТ УРОКИ ИЗ ПРОШЛОГО

Итак, мы рассмотрели трактовку американскими авторами характера партизанского движения в СССР в годы Великой Отечественной войны. С более ранними интерпретациями буржуазной историографии ее роднит антисоветская направленность, отрицание единства советского народа и Коммунистической партии. Этих качеств, конечно, достаточно, чтобы об-

⁴¹ «Военно-исторический журнал», 1965, № 3, стр. 37.

⁴² «Преступные цели — преступные средства», стр. 80—81.

⁴³ Там же, стр. 88—89.

ладающее ими «исследование» при известном академическом оформлении вышло в свет в США. Но это еще не объяснение, почему такое исследование напечатано именно сейчас, десять лет спустя после его фактического завершения.

Мосли пишет в предисловии: «Ныне советская политика активно изучает перспективы новых «национально-освободительных» войн, которые, как утверждают ее вершители, могут значительно усилить коммунистический блок, в то же время не вызывая особого риска общей или термоядерной войны. Надежды, возлагаемые советскими лидерами на имеющее место или возможные партизанские войны как на одну из ступеней в любой борьбе за «национальное освобождение», безусловно подогреваются опытом прошлого в СССР, а также анализом местных факторов, которые могут поощрять или сдерживать революционную инициативу в различных частях света. Ввиду наличия преемственности в доктрине и психологии для тех, кто изучает современную советскую политику, полезно изучить опыт советского партизанского движения во второй мировой войне, даже если не удастся сделать твердых выводов относительно будущих советских действий» (стр. VI).

Как будто все проясняется: крах колониализма, пробуждение народов мира, готовых стряхнуть также путы политического, экономического и идеологического неоколониализма, освободиться от агрессивных блоков, программ «помощи» и разного рода уз «взаимозависимости», вынуждают империалистическую пропаганду изображать эти революционные процессы, обусловленные вызреванием объективных условий, «происками Москвы», субъективными действиями коммунистов. Вот почему, хотя и не сделав «твердых выводов относительно будущих советских действий», Джон Армстронг и К^о постарались выявить «фактор преемственности» между борьбой советских партизан против фашистских захватчиков и борьбой народов Лаоса, Южного Вьетнама, Конго и других освобождающихся стран против марионеточных клик и их заокеанских хозяев. Формулируется этот фактор ими, как мы видели, при помощи стародавнего лексикона реакции — «коммунистический заговор», «подрывающая деятельность», «длинная рука советского режима».

Однако Мосли многого не договорил в предисловии. Заказчиков «проекта Александр» волновало не только отношение СССР к дальнейшему развитию национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки, Латинской Америки и предвидение возможных акций Советского Союза в ответ на происки империалистов. Их ничуть не меньше интересовало и то, что могут сделать США для обуздания и подавления антиимпериалистической борьбы. А с этой точки зрения, изучение мер, при помощи которых гитлеровское командование пыталось уничтожить партизанское движение на оккупированной территории СССР, могло принести Пентагону известную «пользу» — из поражений можно извлекать уроки...

В книге есть специальный раздел «Война против партизан». В первых же строках его Армстронг пишет: «Послевоенный опыт, особенно в Малайе и на Филиппинах, показал, что одним из наиболее эффективных способов борьбы с партизанами является использование небольших отрядов хорошо обученных людей, которые проникают в леса, где обитают партизаны... Время от времени немцы с большим успехом применяли эту тактику» (стр. 27). Далее Армстронг отмечает такие меры борьбы с партизанами, применявшиеся гитлеровцами, как создание укрепленных пунктов, окружение предполагаемых месторасположений партизанских баз, прочесывание лесов. «Теоретически, если кольцо не прорывалось и район тщательно прочесывался, после окончания операции в нем не оставалось партизан, — отмечает он. — Там, где в окружении участвовало большое число войск, район окружения был небольшим, а партизан было немного и они не имели достаточного опыта, эта

тактика приносила успех» (стр. 28). В другом месте авторы указывают на важность еще одного «приема»: немцы стремились физически уничтожить руководителей партизанского движения и тем самым обезглавить его...

Наряду с этим опытом фашистов, который, судя по всему, участники «проекта Александр» не прочь рекомендовать своим заказчикам для использования в Южном Вьетнаме и всех прочих странах, где патристические силы грозят вот-вот свергнуть антинародные режимы, в книге есть и своеобразная критика действий немецко-фашистских захватчиков. Авторы, как явствует из сказанного ранее, склонны пожуричь немцев за их «ошибки» — излишне жестокое обхождение с населением. Армстронг также неодобрительно пишет, что «тяжесть операций против партизан ложилась на местные отряды (т. е. полицаев.— *Авт.*), а немцы в лучшем случае руководили ими, оказывали поддержку» (это, конечно, далеко не так!), и вносит свои коррективы: «Недавний опыт продемонстрировал, что люди, проникающие в леса для борьбы с партизанами, не обязательно должны быть местными жителями». Нетрудно догадаться, какой «опыт» имеет в виду американский историк, тем более, что в следующей строке он подчеркивает: «но чужеземцам, очевидно, требуется более длительный период подготовки и ознакомления с местностью» (стр. 28).

Здесь наш автор полностью раскрывает свои карты. Нам остается лишь осведомить читателя, что Пентагон уже несколько лет занимается интенсивной подготовкой так называемых «противопартизанских сил» в специальных учебных центрах. Эти центры расположены в районах, по своим природным условиям схожим со странами, внутривосполитическое положение которых особенно беспокоит правящие круги США.

Такие центры имеются в самих Соединенных Штатах (Форт Брэгг), в ФРГ (Бад-Тельц), в Панаме и на Окинаве. В них обучаются наемники, которых затем забрасывают в страны Азии, Африки, Латинской Америки. Эти люди в совершенстве обучены искусству убивать, и, как и гитлеровцы, они любят позировать перед объективом фотоаппарата рядом с телами своих жертв.

Но помогут ли обучаемым Пентагоном «противопартизанам» уроки гитлеровцев? Фашистские захватчики тщетно пытались задушить партизанское движение на оккупированной ими территории СССР — чем ожесточеннее, кровавее были их репрессии по отношению к населению, тем сильнее разливалась река народной войны. Ныне из Южного Вьетнама едва ли не ежедневно поступают вести о массовых злодеяниях войск марионеток и американских интервентов, но борьба против антинародного режима все расширяется. Иначе и быть не может, ибо восставший народ нельзя «окружить» или «прочесать», его нельзя «ликвидировать». На место уничтоженного отряда встают новые; патристические силы ведут борьбу не только в лесах и сельской местности, но и в городах; они — везде, и поэтому в роли окруженных неизбежно оказываются захватчики.

Авторы данной книги полагают, что оккупанты могут привлечь население на свою сторону, если будут «мягко» обходиться с ним. Но может ли оккупация чужой страны быть «мягкой»? Может ли народ смириться с налагаемым на него ярмом, с ненавистной ему властью? Никогда; он будет сопротивляться и — в одних случаях раньше, в других позже — сбросит это ярмо. Единственный разумный совет, который Д. Армстронг и его коллеги могли бы дать своим заказчикам, — не соваться в дела других стран, отозвать американские войска с чужих территорий, ликвидировать военные базы вне США.

Но, видимо тщетно ждать от идеологов империалистической буржуазии трезвой оценки происходящих в мире событий. Они так же слепы,

как те, кто претворяет империалистическую политику в жизнь, хотя по долгу своей профессии обязаны бы были знать, чем кончаются попытки заковать народ в цепи. Участники «проекта Александр» приложили немало усилий, чтобы обнаружить в истории тенденции, благоприятные для осуществления насущных целей американской военщины. Они провалились. Точно так же одна за другой проваливаются и будут проваливаться те «акции», которые предпринимали или предпринимают их заказчики из Пентагона.

